

Вера Ивановна Засулич

Воспоминания

Вера Засулич
Воспоминания

«Public Domain»

1919

Засулич В. И.

Воспоминания / В. И. Засулич — «Public Domain», 1919

Засулич Вера Ивановна (1851–1919). Родилась в семье офицера, в 1878 году стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и судом присяжных была оправдана. Засулич – виднейшая участница революционного движения 70-х годов, одна из основательниц группы «Освобождение труда»; в последние годы своей жизни вместе с Плехановым участвовала в оборонческой группе «Единство».

© Засулич В. И., 1919

© Public Domain, 1919

Содержание

От редакции	5
Детство и юность	7
Нечаевское дело.[20]	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вера Засулич

Воспоминания

От редакции

От народничества – до марксизма. От скромных малолюдных революционных кружков, создававшихся в подполье мелкобуржуазной интеллигенцией в конце, 60-х годов прошлого века, – до массовой рабочей партии. Таков был длинный революционный путь, пройденный В. И. Засулич, одной из замечательнейших в истории русского революционного движения женщин. На этом пути ей приходилось встречаться с крупнейшими людьми нашего революционного прошлого, – от Нечаева до Ленина. Ряд переломных моментов в истории этого прошлого связан с ее именем. Ее выстрел в Трепова, потрясший в 1878 г. все русское общество и сделавший ее имя всемирно известным, знаменовал собою начало перехода русского революционного народничества от пропаганды к террору. В расколе этого народничества на два лагеря – на «Черный Передел» и «Народную Волю» – В. И. Засулич непосредственного участия принимать не могла, так как к этому времени она находилась уже не в России, а за границей, в эмиграции; однако, В. И. не осталась равнодушной зрительницей событий: узнав о расколе, она спешит примкнуть к «Черному Переделу». Немного времени спустя она, вместе со своими товарищами; по «Черному Переделу»: Плехановым, Аксельродом, Дейчем и Игнатовым, организует группу «Освобождение Труда», положившую начало новому направлению нашей революционной мысли и практики – русскому марксизму. Когда в самом начале 1900-х годов началась борьба против экономизма, временно завоевавшего себе господство в рядах русской социал-демократии, мы находим В. И. Засулич, вместе с Плехановым и Лениным, в редакции «Искры», вынесшей на себе всю тяжесть начавшейся борьбы. В последующем расколе социал-демократии на две фракции, – большинство и меньшинство, – и в той борьбе, которую они так долго и так упорно вели между собою, В. И. Засулич, примкнувшая к меньшевизму, являлась деятельной участницей. Крепко связавшая себя с меньшевизмом и откатившаяся к ликвидаторству и социал-патриотизму, В. И. Засулич, доживши до великих Октябрьских дней, враждебно отнеслась к победе русского пролетариата и к завоеванию им государственной власти. Она оказалась неспособной понять великое историческое значение этого переворота.

Человек, прошедший такой длинный и интересный жизненный путь, как В. И. Засулич, и подобно ей постоянно находившийся в центре крупнейших исторических событий, – много мог бы рассказать о том, чем он был свидетелем, и о тех людях, с которыми ему пришлось встречаться. Друзья В. И. неоднократно пытались убедить ее приняться за писание воспоминаний. Однако, В. И., придерживавшаяся слишком скромного мнения о своем литературном таланте, не соглашалась исполнить просьбу своих друзей. Правда, под конец жизни она взялась за перо и начала писать автобиографию, но вскоре почему то бросила эту работу, оставив нам лишь ряд незаконченных и несвязанных хронологически между собою набросков. Помимо этих недоработанных отрывков, в литературном наследии, оставленном нам В. И. Засулич, мы находим несколько статей, посвященных нашему революционному прошлому и написанных главным образом на основании ее личных воспоминаний. Эти статьи по богатству заключающегося в них исторического материала до сих пор сохраняют свое значение. Разбросанные по различным сборникам и журналам, частью малодоступным в настоящее время читателям, эти, статьи вполне заслуживают переиздания. Настоящая книжка, заключающая в себе все напи-

санное В. И. Засулич по истории нашего революционного движения¹ должна облегчить читателям ознакомление с этой частью ее литературного наследства.

В эту книгу входят прежде всего те автобиографические наброски В. И. Засулич, о которых упоминалось выше и которые впервые были опубликованы в 1919 г. в № 14 «Былого». Ввиду того, что эти наброски не связаны тематически между собою и охватывают ряд совершенно различных и разновременных событий, в настоящем издании они разделены на четыре части: 1) Детство и юность, 2) Воспоминания о С. Г. Нечаеве, 3) Из воспоминаний о покушении на Трепова и 4) Владимир Дегаев. Кроме того, в настоящую книгу вошли следующие, написанные в различное время статьи В. И. Засулич: «Нечаевское дело» (опубликовано первоначально в № 2 сборн. «Группа Освобождение Трудя», Д. А. Клеменц (журнал «Наша Заря», 1914 г., № 2), Сергей Михайлович Кравчинский (Степняк) («Работник», 1896 г. №№ 1 и 2, Женева) и «Вольное Слово и эмиграция» («Современник», 1913 г. № 6).

*Издательство политкаторжан
Москва
1931*

¹ В настоящее издание не включена полемическая заметка В. И. Засулич «Правдивый исследователь старины», опубликованная в 1918 г. в № 13 «Былого». Заметка эта, написанная в защиту Ян. Стефановича от обвинений в неблаговидном поведении после ареста (составление для департамента полиции записки о революционном движении, выдача Ю. Богдановича и т. д.), в настоящее время, – после опубликования архивных документов, вполне подтвердивших падавшие на Стефановича обвинения, утратила значение.

Детство и юность

1909 г. Лето.

Достала перевод романа Уэльса. Так как давно не читала по-английски, то для упражнения, кроме заказанного романа² купила еще несколько книжек того же автора. Увезла их в свою избу на хутор Греково³. Сидела под вечер у себя на крыльце и читала «The time machine» («Машина времени»). Солнце за рощей должно быть совсем зашло, темно читать; положила я книгу, села на машину и поехала в прошлое. Нет, здесь неинтересно, – близкое прошлое совсем неинтересно, в более далеком поднимутся леса зеленые, дремучие, но и только. Вот, если в Бяколове⁴. . . И мгновенно из-под Тулы я перенесла машину в Гжатский уезд, в помещичью усадьбу, и уехала на пятьдесят лет в прошлое, – последний год жизни старого дома; его перестроили как раз накануне освобождения. Вокруг меня тогдашнее Бяколово со всеми красками, звуками, со всеми его обитателями: Мимины⁵, дети, собаки, кошки. . . У меня всегда была плохая память на имена, но никогда не забывала я и теперь помню, как звали всех многочисленных собак и⁶. . .

Она⁷ в самом начале XIX века воспитывалась в Сиротском институте. Попала туда, кажется, с самого рождения, никакой семьи, во всяком случае, у нее никогда не было. Всю жизнь прожила она в чужих богатых домах, воспитывала чужих детей. Я была первым ребенком, отданным в ее полное распоряжение, существовавшим, – в Бяколове, по крайней мере, – специально для нее. Еще до моего рождения⁸ она уже лет 10–12 прожила в Бяколове, воспитывала теток и дядю. Когда умер их отец, – мать умерла еще раньше, – старшей тетке было лет 20, самой меньшей –14, дяде –16.

Мимины были нужны, – этого декорум требовал, а она поставила условием, чтобы в доме был ребенок. Воспитание Луло (меньшая тетка) кончается, а она не может оставаться без дела. Таким образом я попала в Бяколово⁹.

² В. И. Засулич перевела на русский язык роман Уэльса «В дни кометы». См. собрание сочинений Уэльса. Изд. «Шиповник», т. V, СПб.

³ Хутор Греково находился в Тульской губ. и принадлежал Федору Гермогеновичу Сидовичу, который предоставил В. И. Засулич избу с небольшим цветником. На этом хуторе В. И. проводила летние месяцы.

⁴ Бяколово находилось в Гжатском уезде, Смоленской губернии, и принадлежало Микулиным, двоюродным сестрам матери Веры Ивановны. Семья Микулиных состояла из трех сестер Елены, Наталии и Людмилы и брата Николая. Бяколово находилось в 10-ти верстах от принадлежавшей матери Веры Ивановны деревни Михайловки, где родилась В. И.

⁵ Мимины-старушка, гувернантка Матрена Тимофеевна, проживавшая в семье Мизулиных. Миминой ее прозвали ее воспитанницы.

⁶ На этом рукопись обрывается. В той же тетради через несколько чистых страниц начинается следующий отрывок.

⁷ Имеется в виду «Мимины».

⁸ В. И. Засулич родилась 29 июля 1849 года в деревне Михайловке, Гжатского уезда, Смоленской губ., доставшейся матери Веры Ивановны, Феоктисе Михайловне, совместно с ее сестрой Глафирой Михайловной, от их отца М. С. Александрова. После смерти Глафиры Михайловны Михайловка перешла в единоличное владение Ф. М. Засулич. Михайловка состояла из 8 дворов крепостных крестьян (около 40 «душ») и 200 десятин земли. Для того, чтобы построить о Михайловне дом и обзавестись хозяйством, Ф. М. Засулич пришлось заложить ее в опекуновском совете. Отец Веры Ивановны, отставной капитан Иван Петрович Засулич, человек энергичный, но горький пьяница, не сумел упрочить материального благосостояния своей семьи. Когда В. И. было три года, он умер, оставив на руках жены пять малолетних детей.

⁹ Сестра Веры Ивановны, А. И. Успенская в своих «Воспоминаниях шестидесятницы» пишет: «Почему Вера в своих записках объясняет пребывание Мимины в семье Микулиных тем, что этого требовал „декорум“ после того, как воспитание младшей из сестер Людмилы заканчивалось, и Мимины не могла оставаться без дела, – я этого не могу понять. Почему тут какой то декорум? Мимины продолжала жить у Микулиных потому, что нигде в другом месте она и не могла жить, и я не могу себе представить, чтобы тетки Микулины решились отпустить из своего дома ее, безродную, бездомную, полуслепую 60-ти летнюю старуху на все четыре стороны. Она требовала присутствия в доме ребенка, которым она могла бы заниматься. Может быть, у нее и было такое желание, но наша мать не отдала бы Веру без крайней необходимости, ради только удовольствия Мимины. Такой крайней необходимостью. . . было неимение средств на то, чтобы дать нам образование». В другом месте А. И. Успенская пишет: «Мать наша была женщина добрая, слабая, бесхарактерная, справляться с хозяйством ей было трудно,

Взялась она за меня, должно быть, очень ретиво.

Я рано помню себя, но не помню, когда училась читать и писать по-русски и по-французски; понимать по-французски я тоже начала с незапамятного для меня времени. Говорили, что обучить меня всему этому и несколькими стихотворениям в прибавку, а также – молитвам, она ухитрилась, когда мне было три года.

Розги в Бяколове были не в употреблении, – я не слыхала, чтобы там кого-нибудь секли, а я, – говорили, – была в то время очень мила и забавна, а испортилась позднее. Секла она меня, должно быть, просто для усовершенствования, слегка. Я не помню ощущения боли, но помню, что операция должна была производиться в бане на лавке. Меня на эту лавку укладывают, а я изо всех сил подвигаюсь к краю и свертываюсь вниз, а меня опять укладывают, и так без конца.

Одна из теток вышла замуж, пошли свои дети, – бяколовцы. Ни в Мимине, ни во мне с ней вместе надобности уже не было, тогда, должно быть, я и испортилась.

Миминая, возможно, любила меня по своему, но тяжелая это была любовь. Вдвоем со мною она все что-то говорила, говорила по-французски, по большей части, что-то тяжелое, неприятное, иногда страшное. Если я норовила отойти от нее, она возвращала меня на место. Когда она говорит со мной, она исполняет свой долг, а мой долг – слушать, пользоваться ее наставлениями, пока она жива. Скучное я пропускала мимо ушей, но страшное запоминалось. «Тебе хочется убежать; пожалеешь, когда я умру. Захочешь тогда увидеть Миминочку, придешь на кладбище: ручей, две-три березы, да еще искренние слезы – вот монументов красота, – других мне не нужно. Придешь, увидишь трещину в земле, заглянешь в нее, а из земли на тебя взглянет нечто отвратительное, ужасное: череп с оскаленными зубами, а Миминочку уж не увидишь».

Часто вместо нотаций она говорила стихи: «Где стол был яств, там гроб стоит... Надгробные там воют лики»¹⁰. По-своему, для того времени, она была очень образована. Даже стихи иногда сочиняла. Гроба я никогда не видала, но знала, что страшный, длинный, а над ним рисовало изображение – «лики» одни, без туловищ, темно-красные, с разинутыми ртами и воют «ууу». К страшному я причисляла и оду «Бог», которую она так часто декламировала, что невольно лет 6-ти я знала ее наизусть, запомнив из нее отрывки, и ночью, если я не успевала заснуть прежде, чем захрапит Миминая, этот мудреный бог «пространством бесконечный – без лиц в трех лицах божества», вместе с черепом, ликами и другими страхами, против воли повторялся в голове и мешал мне заснуть.

В том же роде знала она и французские стихи: «O, toi, qui deroulatous les cieux, comme un livre»; потом я открыла, что это стихи Вольтера. Сомневаюсь, знала ли она, что это его стихи. Что на свете есть безбожники, вольтерьянцы, это я от нее тогда еще слыхала. Тогда она переживала, вероятно, трудное время: из сравнительно почетного положения (я еще помню, когда кушанья за столом начинали обносить с нее), она чувствовала, должно быть, что спускается постепенно в положение ниже гувернантки, – в положение приживалки.

Ей было под 60, глаза слабы, так толста, что, при маленьком росте, была почти шарообразна. Поздно искать нового места, а поговорить об этом было не с кем, кроме меня. Приживалка до самой смерти. Подумывала, вероятно, о смерти, хотя недолго, – прожила еще лет 35, – в конце 80-х годов была жива.

Любовь, вероятно, выражалась и в том, что она не хотела, чтобы я любила теток. Она не раз с чувством говорила мне: «мы здесь чужие, нас никто не пожалеет». Я живо помню, что именно такие речи меня сильно огорчали, с этим я мириться не хотела, не хотела быть чужой. Помню даже, что вела упорную войну с мальчиком, казачком, который, высунув голову

доход с имения получался небольшой, еле хватавший на прожиток, и ей, вероятно, сильно приходилось задумываться над тем, как вырастить всех нас, дать мам образование». («Былое», 1922 г. № 18, стр. 20).

¹⁰ Из оды Державина «Бог».

из передней, усиленно шептал; если кто-нибудь из старших оглядывался, голова быстро исчезала, чтобы опять появиться. Не слышно было ничего, только видно, что он шепчет: «Верочка Засулич», и также шепотом я с озлоблением возражала в рифму: «неправда, – Микулич, Микулич!».

Но чем дальше, тем большее множество вещей твердило мне, что я чужая – не бяколовская. Никто никогда не ласкал меня, не целовал, не сажал на колени, не называл ласковыми именами. Прислуга, при малейшей досаде на меня не ...¹¹

Лет 11 должно быть мне было, когда в Бяколове, в первый раз появилось евангелие, – новенькая книга, без переплета и даже не разрезана. Была, вероятно, и прежде, но по-славянски, и ее никто не читал. Теперь, великим постом, я каждый день должна была прочитывать вслух (слушали все тетки, Мимины, дети и даже няньки) по главе или по странице – уж я не помню, но только так, что в первый день читалась глава из одного евангелия, затем из второго, третьего, четвертого, а на пятый опять возвращались к первому, с таким расчетом, чтобы главы, начиная с тайной вечери, остались на последние дни страстной недели.

До этого на содержание религии я не обращала внимания, не думала о ней. Доставляла она мне изредка удовольствие, а больше скуку. Нескольким коротким молитвам Мимины меня еще трех лет выучила, потом прибавилось несколько других подлиннее. Мое дело было дважды в день протрещать их перед образом, как можно быстрее.

К семи годам (к первой исповеди) выучила «Верую» и знала краткую священную историю в вопросах и ответах, при этом – креститься и кланяться, а кончивши, поклониться в землю и убежать. Чуть не половину фраз я в них совсем не понимала и не интересовалась понять. Под праздники у нас часто служили всенощную. Это было довольно скучно, – ничем развлечься не было возможности: наблюдали, чтобы стояли смирно, время от времени крестились. Я обыкновенно с нетерпением ждала чтения евангелия: во-первых, скоро конец, значит, а во-вторых, развлечение. Мы, дети, должны были тогда подойти к священнику. Меньшие впереди, а я сзади. Он всех накрывал епитрахилью, которая и ложилась на мою голову, как самую высокую.

«Пастырь добрый, душу свою полагает за овцы своя, а наемник божий нет». И я видела, как по полю, куда то в темноту, длинными ногами, бежит «наемник», но в чем тут дело, я вовсе не интересовалась. Пока стояла с покрытой головой, мелькал вопрос – в чем тут дело: как пастырь «полагал душу» и куда бежит наемник? Но окончилась всенощная, кончался и интерес. «Больших» я никогда и ни о чем не спрашивала: выйдет непременно так, что разберут. Мимины рада была бы вопросу и ответила бы длинно, но в конце концов «добрым пастырем» оказалась бы она, а я овцой, – это в лучшем случае, а то и «наемником», который всегда готов убежать, когда его учат и хотят ему добра.

Ездить к обедне – это была радость. Церковь за 5 верст, брали не часто, и то только летом. Возили меня и в гости к соседним помещикам, где были дети, ездили и в лес, но все это после обеда, а в церковь утром. Все выглядит совсем иначе, и солнце, и небо другие, и едешь в нарядном платье и соломенной шляпке. А в церкви по уголкам иконы, цветные стекла,

¹¹ На этом рукопись обрывается. Через несколько страниц – запись о посещении Колизея в Риме, а еще через несколько – продолжение воспоминаний о детстве. Так как отрывок о Колизее не стоит в связи с дальнейшим текстом воспоминаний, даем его в настоящем примечании: «Никого не было около Колизея с той стороны, с которой я подошла, – точно пустырь, какая то вытоптанная дорожка. В стане пролом, большие камни лежали по обе стороны. Я, со своей страстью лазать, влезла на камни, потом спустилась и оказалась внутри Колизея. Громадные, прямые стены, высоко вверх. К ним прямых ступени ведут на выступы. Я поднялась по ним и стала смотреть. Вот эти самые очертания края стен, вырезающиеся на небе, видели, как умирали христиане, гладиаторы. Здесь где-нибудь на одном из выступов Цезарь (властитель Рима)... Что они видели? Что думали? Не знаю, сколько я простояла. К пролому подошли рабочие, взялись за камни. Изнутри подошли к большим воротам, за ними стояла толпа что-то продающих и кричащих; может, они уже и тогда были, когда я пришла? Я проявила свою страсть лазать по тропинкам. Пережить такое сильное волнение, так переноситься за тысячи лет, можно только одной. Пошла дальше: Капитолий, храмы, колонна Трояна. Настроение продолжалось, но уже не с той силой. Мысль отбегала. Надо было говорить себе то, что о Колизее само захватило и заставило забыть...»

ладан так красиво окрашивается, попадая в полосу света, и синие, желтые, зеленые пятна и странно перекрашивают платки на головах баб. Там не успеешь соскучиться, как уже поют «иже херувимы». О святой и страстной и говорить нечего – это самое счастливое время в году. Но с богом, с религией – это все-таки в моей голове почти не связывалось в...¹².

Но собственной воле я твердила: «крест на мне, крест на мне»... когда боялась в темноте; тут Мимины молитвы не годились, а этой меня выучила горничная девочка, которая также боялась и уверяла, что она помогает.

Были и еще случаи, когда я бросалась молиться, но уже своими словами. Это, когда, по моему мнению, меня обвинили, разобрали напрасно: взволнованная в слезах, вся дрожа, я становилась в пустой комнате перед образом и шептала, шептала, всхлипывая.

Я не помню, чтобы ждала я себе от этого какой пользы, не думала я, что бог как-нибудь за меня заступится, это были просто заверения в своей «невинности» «всеведущему», чуть не упреки: «ведь ты знаешь, ведь ты знаешь!.. Разве я когда?» и т. д.

Раз как-то, помню, попалась: какая-то из теток пошла за мной – должно быть, найдя еще что-то прибавить к нотации, – и застала, что я что-то шепчу перед образом. Если бы я сказала, что именно я шептала, – это, думаю, произвело бы благоприятное для меня впечатление. Но я, конечно, не созналась; на вопрос, что это я шепчу, ответила: «так», и получила, разумеется, добавочную нотацию: «шептать какие-нибудь глупости перед иконой не смей, к богу, следует обращаться только с молитвой».

Начала я вслух читать евангелие с неудовольствием. Сама бы я прочла, – я читала в это время решительно все, что попадалось под руку, – но вслух, при больших... Понемногу, однако, содержание книги начало привлекать меня. Он добрый, хороший. Он сразу совершенно отделился для меня от непонятного, скучного, немного страшного Миминино бога, для которого надо есть постное, бормотать молитвы. Он добрый, хороший, простым понятным для меня образом, и я ведь знала, что в конце его убьют, с нетерпением и каким-то страхом стала я ждать этих глав. В это же время в детском журнале, который получал соседний помещик и присылал мне на прочтение, было помещено стихотворение Мея «Слепорожденный». Я его списала и выучила. Оно также слилось с впечатлением евангелия. Все считали слепорожденного самым дурным. «Немало грубых разговоров, намеков, брани и укоров еще ребенком вынес он». А христос его пожалел, подошел к нему и исцелил, и прокаженные были самые печальные, все их от себя гнали. Воскресил девочку, – я в воображении расписывала подробности.

Не знаю, для чего записала Мимины евангелие в промежутках между чтением, но несомненно, что таким образом книга произвела гораздо большее впечатление, чем если бы я сразу прочла ее. Не с отвлеченным, неведомым богом произошло для меня все это: ночь в Гефсиманском саду, «не спите, час мой близок», просит он учеников, а они спят... и вся эта дальнейшая мучительная история. Я несколько недель жила с ним, воображала его, шептала о нем, оставшись одна в комнате. Всего больше волновало меня, что все, все бежали, покинули, и дети тоже, которые встречали его с пальмовыми ветвями пели осанна. Они спали, должно быть, и не знали. Я не могла не вмешаться: одна девочка, хорошая, дочь первосвященника, слышала, как говорили, что его схватят. Иуда уже выдал, – будут судить и убьют. Она мне сказала, мы с ней побежали и созвали вмиг детей: «Послушайте только, что они хотят сделать: его, его убить! Ведь лучше его на свете нет». Воображаемые дети соглашались. Понятно, мы бросились бежать по саду, прибежали, но дальше ничего не выходило. Не смела я ничего дальше выдумывать без его дозволения и еще меньше смела говорить за него. Это не страх был, а горячая любовь, благоговение что-ли; я знала, что он бог, – тоже бог, как и его отец, но он гораздо лучше, того

¹² Фраза осталась незаконченной в рукописи.

я не любила. Молиться христу, ни за что бы я не стала. Приставать к нему с моими жалобами! Не его заступничества просить мне хотелось, а служить ему, спасти его.

Года через четыре я уже не верила в бога, и легко рассталась я с этой верой. Жаль было сперва будущей жизни, «вечной жизни» для себя, но жаль только, когда я думала специально о ней, о прекрасном саде на небе. Земля от этого хуже не становилась. Наоборот. Одновременно с этим я определяла свою «будущую жизнь» на земле, и так она вставала предо мною бесконечная... В 15 лет и один год кажется огромным временем. А то единственное в религии, что врезалось в мое сердце, – христос – с ним я не расставалась; наоборот, как будто связывалась теснее прежнего.

Как началось это приобретение будущей жизни на земле? Постепенно, издавна, черта за чертой складывалась она предо мной, далекая еще, неясная в сияющем тумане, но несомненная для меня. Мне кажется, что лично меня толкало жадно ловить все, что говорило о каком-то будущем, мое отвращение от будущего, которое сулило мне сложившиеся общественные условия, о которых упоминали в Бяколове: гувернантка. Все что угодно, только не это!¹³

Еще до революционных мечтаний, даже до пансиона¹⁴, я строила главные планы, как бы мне избавиться от этого¹⁵. Мальчику в моем положении было бы, конечно гораздо легче. Для его планов будущего широкий простор...

И вот этот далекий призрак революции сравнивал меня с мальчиком: я могла мечтать о «деле», о «подвигах», о «великой борьбе»... «в стане погибающих за великое дело любви». Я жадно ловила все подобные слова: в стихах, в старинных песнях: «скорей дадим друг другу руки и будем мы питать до гроба вражду к бичам земли родной», – в стихах иногда и там, быть может, где в мыслях автора было другое, находила у своего любимого Лермонтова и, конечно, у Некрасова¹⁶.

Откуда то попалась мне «исповедь Наливайки» Рылеева¹⁷ и стала одной из главных моих святынь: «известно мне: гибель ждет того, кто» и т. д. И судьба Рылеева была мне известна. И всюду всегда все героическое, вся эта борьба, восстание было связано с гибелью, страданием.

«Есть времена, есть целые века, когда ничто не может быть прекраснее, желаннее тернового венка». Он-то и влек к этому «стану погибающих», вызывал к нему горячую любовь. И несомненно, что эта любовь была сходна с той, которая являлась у меня к христу, когда я в первый раз прочла евангелие. Я не изменила ему: он самый лучший, он и они достаточно хороши, чтобы заслужить терновый венец, и я найду их и постараюсь на что-нибудь приго-

¹³ В. И. Засулич, вследствие материальной необеспеченности ее семьи, угрожала перспектива стать гувернанткой. На эту тему в Бяколове велись разговоры между старшими. К должности гувернантки Вера Ивановна, по словам ее сестры А. И. Успенской, чувствовала «непреодолимое отвращение».

¹⁴ Когда В. И. подросла, ее отвезли в Москву и отдали для обучения в пансион, который содержали две немки по фамилии Риль. Это было закрытое учебное заведение с суровой, чисто немецкой дисциплиной. Ученицам запрещалось громко разговаривать и смеяться, бегать и прыгать. По отношению к провинившимся применялось дранье за волосы и за уши и другие наказания. Главное внимание было обращено на изучение французского и немецкого языков и музыки; другие предметы проходились очень поверхностно. В 1867 г. В. И. окончила пансион и, сдав экзамен при университете, поступила на должность письмоводителя у мирового судьи в Серпухове.

¹⁵ То есть – от необходимости сделаться гувернанткой.

¹⁶ Еще в бытность свою в пансионе Вера Ивановна вошла в соприкосновение с людьми, близкими к революционному движению. С ними она встречалась у своей старшей сестры, Екатерины Ивановны, которая жила на одной квартире с сестрами Анной и Людмилой Николаевными Колачевскими, приходившимися родственницами семье Засулич, Анна Колачевская принимала участие в швейной мастерской сестер Ивановых, организованной Ишутиным на артельных началах, и в 1866 г. подверглась аресту в связи с каракозовским делом. Кроме Колачевских, Вера Ивановна могла встречаться у своей сестры с упомянутыми только что сестрами Александрой и Екатериной Львовнами Ивановыми, также привлекавшимися в 1866 г. по каракозовскому делу, сестрами каракозовцев Моткова и Оболенского, а также с братом Колачевских Андреем, также привлекавшимся по каракозовскому делу за участие в организованном кружке ишутинцев обществе взаимного вспомоществования.

¹⁷ Мне кажется, она была в первом издании большой трехтомной хрестоматии, по которой мы проходили литературу, – из второго, вышедшего после польского восстания. Имеется в виду польское восстание в 1863 г., было много выкинуто, отрывок, напр., из «Валленштейна». «Валленштейн» – трагедия Шиллера, которого я тоже знала наизусть. Прим. В. Засулич.

даться в их борьбе. Не сочувствие к страданиям народа толкало меня в «стан погибающих». Никаких ужасов крепостного права я не видала, а к бедным я сперва поневоле, с горькой обидой, потом чуть не с гордостью сама себя причисляла, а что пока я живу, как богатая, это я своей бедой, а не привилегией считала...

Ни о каких ужасах крепостного права в Бяколове я не слыхала, – думаю, что их и не было. С деревней, впрочем, господский дом и не имел никаких сношений, кроме праздничных, так сказать. На дворе устраивалось угощение после жатвы. После каждой свадьбы нарядные «молодые» приходили «на поклон», но до хозяйства тетки совершенно не касались. Его вел Капиша, как звали его господу, и Калитой Васильевич, – для дворни и деревни.

Имение было из самих благоустроенных в округе. Большинство крестьян – на оброке, ходили на заработки в Москву, верст за 120–130. Главные доходы, кроме оброка, – скотный двор, конский завод, птицы, плодовый сад, оранжереи. Все это до деревни не касалось, а было на руках у дворовых, очень многочисленных; целая улица дворовых изб. Что с дворовыми отношения были недурные, доказательство, что все остались на своих местах¹⁸, и хозяйство не изменилось и ничуть не сократилось; что не было никаких наказаний, это верно. Я знала бы об этом от дворовых ребят и наверное запомнила бы. Быть может, именно вследствие мягкости Капитоновского управления...

Легко рассталась я с Бяколовым. Я не думала тогда, что весь век буду вспоминать его, что никогда не забуду ни одного кустика в палисаднике, ни одного старого шкапа в коридоре, что очертание старых деревьев, видных с балкона, будет мне сниться через долгие – долгие годы... Я любила его и тогда, но впереди ждала и манила необъятная жизнь, а тут «сон кругом глубокий», и эта вялая жизнь не моя, ведь я на том и помирилась с ней, что согласилась, что я «чужая»...

Этот год, семнадцатый год моей жизни, был полон самой напряженной внутренней работы: я окончательно взяла судьбу в свои руки¹⁹...

¹⁸ Вера Ивановна имеет в виду отмену крепостного права в 1861 г., когда дворовые получили возможность оставить своих бывших помещиков и искать себе работу на стороне.

¹⁹ На этом обрывается та часть воспоминаний Веры Ивановны, в которой она описывает свое детство и юность. Далее, следуют отрывки из воспоминаний о знакомстве с Нечаевым и об его деле, которые мы помещаем вслед за особой статьей, посвященной В. И. нечаевскому делу.

Нечаевское дело.²⁰

I.

Каракозовское дело, конечно, займет в истории нашего движения гораздо более скромное место, чем нечаевское. Его подробная история, быть может, станет известной не раньше, как документы III отделения подвергнутся разработке²¹.

Это был заговор дело, тайное не для полиции только, но и для окружающих его более мирных элементов, на которых старались действовать члены общества. Ишутин уговорил их в таком роде: наступит великий час, мы люди, обреченные; этот час называл прекрасной Фелициной. Судя по рассказам о нем, это был тип революционера, умевший разжигать настроение слушателей представлением о чем-то великом и таинственном. Как кружок, это общество существовало с 63 г.; члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообщество устроенное²² общежитие²³. Во всяком случае, к осени 65 года это были уже заговорщики: члены принима-

²⁰ Статья «Нечаевское дело» впервые была опубликована Л. Г. Дейчем во II томе сборн. «Группа Освобождение Труда», М. 1924 г. В предисловии своем Л. Г. Дейч пишет: «Записки эти были начаты ею, вероятно, еще зимой 1883 г., когда мы, члены незадолго перед тем возникшей группы „Освобождение Труда“, решили прочитать в Женеве ряд рефератов о нашем революционном движении. В виду робости Веры Ивановны, друзья ее – Плеханов, Степняк и я – долго уговаривали ее рассказать на собрании о нечаевском деле, по которому, как известно, она привлекалась. Согласившись, наконец, она набросала конспект, но, когда наступила ее очередь выступить с докладом, она до того растерялась, что не в состоянии была произнести ни слова, и собравшиеся разошлись, ничего от нее не услышав». Затем, спустя много лет, Вера Ивановна, по-видимому, задалась целью переделать оставшиеся у нее наброски этого не произнесенного реферата в статью, вероятно, для какого-нибудь возникшего в России во второй половине 90-х гг. легального марксистского журнала: на это указывает ее стремление придать этим запискам характер объективного изложения, без всякого упоминания о ее личном участии в нечаевском деле. По-видимому, для того, чтобы цензура не могла догадаться, кто автор, Вера Ивановна не называет даже своих сестер, также привлекавшихся по этому делу. Что записки эти она предназначала для печати, видно также из тщательно переписанной ею первой части и из сделанного ею на одном листе подсчета количества заключающихся на нем букв с припиской: «из моих двух стр. выходит одна печатная». Л. Г. Дейч сообщает далее, что рукопись статьи сохранилась в двух вариантах: «Имеются полный текст и с большими изменениями переписанный на бело второй экземпляр второй части, но с некоторыми существенными пропусками из первого. Я помещаю второй вариант, дополнив его всем тем, что Верой Ивановной было опущено из черновой тетради». Часть правой стороны первых четырех страниц, не имеющих дубликата оказалась оторванной. Восстановленные по догадке слова заключены в квадратные скобки. Слова, зачеркнутые в рукописи, вынесены в подстрочные примечания.

²¹ В. И. Засулич была осведомлена относительно каракозовского дела его непосредственными участниками. Как сказано выше, еще в Москве она познакомилась с рядом лиц, привлекавшихся – по этому делу. По переезде В. И. в августе 1868 г. в Петербург, она, по-видимому, через Людмилу Колачевскую и Моткову, также переселившихся из Москвы в Петербург, познакомилась с судившимся по каракозовскому делу Варлаамом Черкезовым. – Подробное и основанное на документах изучение каракозовского дела стало возможным только в самое последнее время, после того, как Централрхив опубликовал два тома стенографического отчета о процессе каракозовцев в Верховном уголовном, суде (том I, 1928 г., т. II–1930 г.) и ряд следственных материалов по каракозовскому делу в XVII т. «Красного Архива» (1926 г.).

²² Зачеркнуто: «вероятно, задолго до катастрофы».

²³ Ишутинский кружок возник в Москве и к концу 1865 г. сложился в тайное общество, принявшее название «Организация». Осенью 1864 г. им была открыта школа, просуществовавшая до лета 1865 г. Учителями в ней были члены кружка. Школа была рассчитана на 20–25 учеников из беднейшего населения. Помимо преподаваний в школе, члены кружка ставили задачей революционизирование учеников. Кружок ишутинцев организовал две мастерские, основанные на артельных началах: переплетную и швейную; в них работали члены кружка и их знакомые. – Ишутин и его ближайшие товарищи по кружку одно время жили совместно на одной квартире в доме Ипатова, вследствие чего их называли «ипатовцами». О любви Ишутина к таинственности и мистификациям говорят очень многие из членов его кружка. Они передают, что Ишутин старался выдавать себя за агента какой то таинственной революционной силы, выдумывал несуществующие тайные общества, говорил о запасах оружия, яко бы предназначенного на революционные цели и т. п. Товарищи Ишутина по организации объясняли его склонность к мистификациям присущей ему жаждой деятельности и желанием вовлечь других в революционное движение: своими таинственными рассказами он старался убедить их в существовании могущественной революционной организации и побудить их примкнуть к ней.

лись с клятвами, и в их среде успел уже даже образоваться раскол²⁴, более крайние составляли, так сказать, общество в обществе под названием «Ад»²⁵. Целью его было, вернее шла в нем речь, об избииении царской фамилии, при чем крайние стояли за предварительную агитацию, пропаганду. Оно приговорило 17 чел. После выстрела Каракозова полиция напала на след этого заговора.

Система, как вести себя на следствии, в то время не могла даже и начать еще вырабатываться, люди, как видно, по большей части считали нужным на каждый вопрос следователей давать более или менее правдоподобный ответ, лживый, конечно, кроме нескольких предателей, – нашлись и предатели. Начались очные ставки, уличения во лжи, давались новые объяснения: запутались даже такие люди, как сами Худяков, Ишутин; и понемногу все члены без исключения были открыты²⁶: нелегальность тогда изобретена не была, дожидаясь ареста, спокойно оставались на своем месте; все были переловлены и посланы в Сибирь.

С тех пор о каракозовцах не было слышно: никто из них не выплыл в позднейшем движении²⁷, а они только и могли бы подробно рассказать о своем деле²⁸.

В последнее время появились воспоминания Худякова²⁹, но там подробно рассказано следствие, поскольку оно касалось... самого Худякова, о московском тайном обществе, из которого вышел Каракозов, его он едва касается. Он говорит, что это были люди энергичные, талантливые, выработанные, но все они скоро были изловлены и отправлены в Сибирь; на свободе были оставлены только люди, оказавшиеся, после подробнейшего рассмотрения самой Муравьевской комиссией³⁰, вполне невинными, а, следовательно, уже действительно невинные.

²⁴ В рядах «Организации» происходила борьба двух направлений. Левое крыло возглавлялось самим Ишутиним. Он и его сторонники ставили задачей «Организации» подготовку восстания в целях экономического переворота. Более умеренное крыло, во главе которого стояли Мотков, высказывалось за подготовку переворота при помощи постепенной пропаганды в народе, распространения соответствующей литературы, устройства школ, ассоциаций и т. п. Борьба между этими двумя направлениями отличалась весьма ожесточенным характером.

²⁵ В начале 1866 г. у Ишутина и его товарищей зародилась мысль о создании в рядах «Организации» замкнутого кружка под названием «Ад», в который допускались бы самые надежные люди и который принял бы на себя негласный верховный надзор за деятельностью «Организации». Одновременно с этим начал дебатироваться вопрос о необходимости царевубийства.

²⁶ Почти все привлеченные по Каракозовскому делу держались на следствии малодушно, спешили выразить раскаяние в своих действиях и давали откровенные показания. Наиболее твердо держался Худяков, но и он не выдержал и дал показания, которые уличали его ближайшего друга и сотрудника Никольского. Эти показания настолько мучили Худякова, что он пытался покончить с собой и подал в следственную комиссию заявление, в котором отказался от своих показаний, как от ложных. Что касается Ишутина, то он на следствии всячески старался выгородить себя и оправдаться.

²⁷ Указание В. И. Засулич на то, что никто из каракозовцев «не выплыл в позднейшем движении», не совсем правильно. Упомянутый выше В. Черкезов играл довольно большую роль в нечаевском деле. Приговоренный к ссылке на жительство в Сибирь, он в 1876 г. бежал за границу, где был видным деятелем анархического движения. П. Ф. Николаев, по отбытии каторжных работ, наложенных на него по каракозовскому делу, и по возвращении в 1885 г. в Европейскую Россию, принимал участие в организации «Самоуправление» и в 1894 г. был одним из организаторов партии «Народное Право». Позднее он был видным деятелем партии социалистов-революционеров. М. Н. Загигалов, оставшийся жить по отбытии каторги в Сибири, принимал, как социалист-революционер, деятельное участие в революции 1905 г. и был приговорен к ссылке в Нарымский край, которую он однако избежал, перейдя на нелегальное положение. Привлекавшаяся по каракозовскому делу М. К. Крылова в 70-х годах была членом «Земли и Воли» и «Черного Передела» и работала в тайных типографиях этих организаций.

²⁸ Мемуарная литература, оставленная каракозовцами, более чем скудна. Наибольшее значение имеет «Автобиография» Худякова. Кратко останавливаются на каракозовском деле Л. Е. Оболенский в своих «Литературных воспоминаниях и характеристиках» («Исторический Вестник», 1902 г. № 1–4), Ф. А. Борисов в автобиографии, опубликованной в № 4 «Каторги и Ссылки» за 1929 г., и П. Ф. Николаев в записке об отношении каракозовцев к Чернышевскому, составленной им по просьбе В. Е. Чехихина-Ветринского (опубликована в книге последнего, «Н. Г. Чернышевский», П., 1923 г., стр. 176–179). После того же Николаева и В. Н. Шаганова остались воспоминания о Чернышевском, с которым они встретились на каторге, П. Николаев. «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского на каторге», М. 1906 г.; В. Н. Шаганов. «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», СПб, 1907 г.) Кроме того сохранились не законченные и пока еще неопубликованные воспоминания В. А. Черкезова и неопубликованная краткая автобиография П. Николаева.

²⁹ «Опыт автобиографии» И. А. Худякова был напечатан в 1882 г. в Женеве, в Вольной Русской типографии. В 1930 г. переиздан под заглавием «Записки каракозовца» – Зачеркнуто: «Говорится очень мало» издательством «Молодая Гвардия».

³⁰ «Муравьевская комиссия» – высочайше учрежденная в 1862 г. следственная комиссия, которая вела расследование дела о покушении Каракозова. Председателем ее в 1866 г. был назначен крайний реакционер-крепостник М. Н. Муравьев, прославившийся кровавой расправой с польскими повстанцами 1863 г. в Литве. В связи с каракозовским делом, по распоря-

Опыта, традиции внести в новое движение они не могли, а также не могли составить ядра, вокруг которого группировались бы новые элементы.

«Что делать» Чернышевского продолжало перечитываться молодежью, но самый доступный легко исполнимый из явившихся прежде вопросов на поставленный в заголовке романа вопрос – заводить ассоциации – уже не удовлетворял³¹. В предыдущий период ассоциации, по большей части швейные, росли, как грибы³², но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами, ссорами. Заводились они по большей части женщинами, настолько состоятельными, чтобы купить: швейную машинку, нанять квартиру, нанять на первый месяц, пока не будут разъяснены им принципы ассоциации, двух или трех опытных модисток. В члены набирались частью нигилистки, не умеющие шить, на горячо желавшие «делать», частью швей, желавшие только иметь заработок. В первый месяц сгоряча все шили очень усердно, но более месяца шить по 8 – 10 час. в день ради одной пропаганды примером принципа ассоциации, к тому же без привычки к ручному труду, мало у кого хватало терпения. Шить начинали все меньше и меньше³³. Мастерницы негодовали и сами начинали небрежно относиться к работе; заказы убывали. Лучшие работницы скоро покидали мастерскую, так как приходившиеся на их долю части дохода оказывались меньше жалованья, которое они получали от хозяина, несмотря на то, что основательницы по большей части отказывались от своей доли. Иногда дело кончалось тем, что мастерницы забирали себе машины и основательниц выгоняли из мастерской. Устраивались третейские суды. «Сами же постоянно твердили, что машина принадлежит труду», – защищалась бойкая мастерница перед таким судом, на котором мне случилось присутствовать. «А уж какой у них был труд, как есть никакого; только, бывало, разговоры разговаривают!» Суд не признал, однако, мастерницу олицетворением «труда» и присудил машинку возвратить³⁴.

Также плохо шли и переплетные мастерские, хотя там менее сложный и не требующий долгой предварительной подготовки труд был более приспособлен к ассоциации.

В 69 году затишье, наступившее вслед за каракозовщиной, еще продолжалось во всей силе. Из людей 60-х годов иные сошли со сцены, другие куда-то попрятались, и³⁵ зеленой молодежи, подъезжавшей из провинции после погрома, не было к ним доступа. Она оставалась совершенно одна; ей предстояло отыскивать дорогу собственными силами. Каракозовщина не оставила ядра, около которого она могла бы группироваться³⁶. Я говорю, конечно, о среднем

жению Муравьева, было арестовано много людей, не имевших в действительности никакого отношения к этому делу.

³¹ Увлекались снами Веры Павловны, Рахметовым. Но что же именно делал Рахметов? Что делать для осуществления снов Веры Павловны? Пересоздать существующий строй. Рахметов – революционер. Это говорили, но смысл в такие слова вкладывали самый туманный, самый разнообразный. Был, однако, указан в романе и путь к некоторой подготовке осуществления снов – швейные ассоциации. Вещь, как казалось, очень простая, легкая, доступная каждому, у кого есть деньги на покупку машины и на наем квартиры. Примеч. В. Засулич.

³² Материальная необеспеченность мелкобуржуазной интеллигенции делала в ее среде весьма популярной мысль об организации коммун и артелей, основанных на полном равенстве их членов и на принадлежности им орудий труда. Коммуны и артели стали возникать с начала 60-х годов. Движение в пользу устройства их особенно усилилось после появления в 1863 г. романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где молодежь нашла яркое описание артельной мастерской, организованной героиней этого романа.

³³ Зачеркнуто: «К тому же и швей».

³⁴ А. И. Успенская, по сообщению Л. Г. Дейча, находила это сообщение Веры Ивановны не совсем точным. Сама Александра Ивановна поступила в швейную мастерскую, устроенную вышеупомянутыми сестрами каракозовца Иванова, весной 1868 года и оставила ее в августе того же года; мастерская продолжала и дальше существовать, вплоть до выхода этих сестер замуж. Они работали на равных условиях со всеми остальными, вполне усердно; никаких конфликтов, а тем более третейских разбирательств с мастерницами не происходило. (Сборн. «Группа Освобождение Труда», т. II М. 1924 г., стр. 71). По поводу этого возражения А. И. Успенской необходимо заметить, что из текста статьи В. И. Засулич не видно, чтобы ее рассказ относился к той именно швейной мастерской, которую основали Ивановы. Возможно, что Засулич имела в виду какую-нибудь другую из существовавших в то время швейных мастерских.

³⁵ Зачеркнуто: «По меньшей мере».

³⁶ Это сообщение В. И. Засулич не вполне точно. Некоторые из привлекавшихся по каракозовскому делу, по отбытии тюремного заключения, организовали в Петербурге кружок-коммуны, известный под названием «Оморгонокая академия». К

уровне молодежи, затронутой разыгравшимся зимою 68–69 годов в Петербурге прологом нечаевского дела. Такая изолированность молодежи, отсутствие пропаганды в ее среде, отсутствие соприкосновения с людьми сложившегося миросозерцания, могущими помочь³⁷ в разрешении вопроса: «что делать?», – приводило ищущую дела молодежь в тоскливое, тревожное состояние.

Те надежды, с которыми ехала она в Петербург, оказывались обманутыми. Начало 60-х годов облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции, он представлялся лабораторией идей, центром жизни, движенья, деятельности. В провинции между семинаристами и гимназистами седьмого класса, между студентами провинциальных университетов образовывались маленькие группы юнцов, решившихся посвятить себя «делу», как тогда многие выражались вкратце, или даже просто – «революции». А за выяснением, что это за «дело», что за «революция», начинали рваться в Петербург: там все узнаем, там-то выяснится. Дорвавшись, наконец³⁸, преодолевши иногда для этого, при крайней бедности большинства³⁹, величайшие затруднения, они являлись в Питер иногда целой группой, человек в 5–6, и начинали всюду толкаться, знакомиться, расспрашивать, но, наткнувшись везде, куда они могли проникнуть, на ту же шаткость и неопределенность понятий, на те же нерешенные вопросы, на «ерунду», от которой бежали из провинции, они скоро впадали в уныние, тревожное состояние. Но, после яркого, насильственно подавленного движения начала 60-х гг., чувствовалась просто потребность в каком-нибудь проявлении движения, так что, например, фразы: «Хоть бы студенческое движение что ли было!» можно было слышать еще летом, Прежде чем студенты съехались.

II.

Не знаю, кому первому пришла идея затеять студенческие волнения, вероятно, многим сразу⁴⁰ в таких-то кружках, о которых я только что говорила, в особенности являвшихся в Петербург на второй год и уже успевших разочароваться в нем, идея студенческих волнений должна была встретить живейшее сочувствие. Конечно, это не «дело», не работа для «блага народа», не «революция», но хоть, «что-нибудь», какая-нибудь «жизнь». Уже в начале⁴¹ осени 1868 года⁴² во многих студенческих кружках можно было слышать, что⁴³ к рождеству непременно будут студенческие волнения, что будут требовать касс и сходок. Кассам то, собственно, несмотря на крайнюю бедность, придавалось лишь второстепенное значение: добьемся их – хорошо, но если не добьемся – тоже хорошо; сходки привлекательны сами по себе.

Они, действительно, сами по себе, независимо от цели, должны были удовлетворить реальную действительную потребность в движении, в общественной жизни. Некоторые инициатору движения на сходки возлагали и другие, более определенные, надежды: на них озабочиваются между собою лучшие люди из молодежи, образуется и сплотится кружок из наиболее определившихся людей, выдвинутся и выработаются способные деятели⁴⁴.

этому кружку принадлежали каракозовцы Сергиевский, Воскресенский, Полумордвинов и Черкезов. Кружок этот являлся центром, вокруг которого группировалась революционная молодежь Петербурга 1867–1868 г.г. Из его рядов вышли некоторые из будущих участников студенческого движения 1868–1869 г.г. и Нечаевской организации.

³⁷ Зачеркнуто: «Ответить».

³⁸ Зачеркнуто «До Питера».

³⁹ Зачеркнуто: «Из них».

⁴⁰ Зачеркнуто: «но несомненно, что».

⁴¹ Зачеркнуто: «сент.».

⁴² Зачеркнуто: «как только собрались студенты».

⁴³ Зачеркнуто: «в этом году».

⁴⁴ Зачеркнуто: «личности».

Всю осень шла агитация, и в декабре, действительно, начались сходки⁴⁵. Собирались эти сходки на частных квартирах, всегда на разных. Иной раз⁴⁶, какая-нибудь зажиточная семья предоставляла по знакомству в распоряжение⁴⁷ инициатора сходки свою залу, в которую и набивалось битком 2–3 сотни студентов. Иногда собирались и на студенческих квартирах, и тогда сходка разбивалась на две-три группы по числу комнат, так как в одной всем уместиться было невозможно. Всем приходилось, конечно, стоять, и теснота бывала обыкновенно страшная. На Рождестве сходки особенно участились⁴⁸. Собирались студенты из университета и из⁴⁹ технологического института, но самый большой процент составляли медики⁵⁰. На сходки ходило также человек 10–15 женщин; женских курсов в то время не было, приходили просто женщины, сочувствовавшие движению студентов⁵¹.

На самых больших и удачных сходках ораторы обыкновенно влезали поочередно на стул и оттуда произносили свои речи, вертевшиеся на первых порах на необходимости для студентов иметь кассы и право сходок. Никакое бюро при этом не выбиралось, а раздачей голосов заведывала группа инициаторов, достававшая также квартиры, оповещавшая о месте сходок и т. п.

В числе этих инициаторов⁵² был и Нечаев. Во всеуслышание он говорил редко; на стуле почти не появился⁵³ воля его чувствовалась всеми. Он заботился о достаточном количестве ораторов, в которых, в начале особенно, чувствовался недостаток. С личностями, чем-нибудь выдвинувшимися, отличившимися, тотчас же знакомился, уводил к себе в Сергиевское училище, где он занимал место учителя, и сговаривался, о чем говорить в следующий раз⁵⁵.

⁴⁵ Большое впечатление на студенческую массу произвел проникший в Россию осенью 1868 г. № 1 журнала «Народное Дело», изданный в Женеве при ближайшем участии М. А. Бакунина. Обращаясь к русской молодежи с призывом отдать свои силы на освобождение народа, Бакунин указывал на бесплодность мирных средств и на невозможность улучшения участи трудящихся путем культурно-просветительной работы. «Путь освобождения народа посредством науки, – писал он, – для нас загражден; нам остается поэтому только один путь, – путь революции». Полученное в сентябре «Народное Дело» усердно переписывалось от руки студенческими кружками и распространялось, как в Петербурге, так и по провинции. «Мы нашли, наконец, в печати, – вспоминает В. Черкезов, – ясно сформулированными наши мысли, наши заветные стремления». Эти мысли и стремления вылились в форме краткого лозунга: «В народ!», сделавшегося предметом горячего обсуждения на студенческих сходках и в кружках. С. Л. Чудновский, бывший в то время студентом Медико-хирургической академии, вспоминает: «Вопрос ставился в резко категорической и крайне односторонней форме: „наука или труд“, т. е. следует ли отдавать себя (хотя и временно) науке, заниматься ею, добиваться дипломов, чтобы потом вести жизнь привилегированных интеллигентных профессионалистов или же, помня свой долг перед народом... мы, учащиеся, должны поступиться своим привилегированным положением, добытым целыми веками несправедливости и эксплуатации, бросить науку, расстаться с высшими учебными заведениями, заняться изучением ремесла, а затем (в качестве простых ремесленников и даже горнорабочих и батраков) отправиться в самую гущу народную». В громадном большинстве случаев обсуждавшийся на сходках вопрос решался в пользу труда, а не науки С. Л. Чудновский. Из дальних лет. «Былое», 1907, IX, стр. 284–285). Во время этих сходок уже намечилось расслоение студенчества на две группы (о чем В. П. Засулич говорит ниже): «умеренную», интересовавшуюся исключительно вопросами студенческой жизни, и «радикальную», стремившуюся придать движению политический характер. Среди этой последней части студенчества, к которой примкнул и Нечаев, тогда же зародилась мысль об организации политического общества в целях подготовки в России революции. См. 3.7 Ралли. Сергей Геннадиевич Нечаев. «Былое», 1906 г., VII, стр. 137

⁴⁶ Зачеркнуто: «иные либеральные барыни».

⁴⁷ Зачеркнуто: «студентов».

⁴⁸ Зачеркнуто: «И каждые 2–3–4 дня где-нибудь да назначались сходки».

⁴⁹ Зачеркнуто: «Медицинской».

⁵⁰ «Медикам» – в Петербурге того времени называли студентов Медико-хирургической академии.

⁵¹ Факт посещения студенческих сходок женщинами отмечает в своих воспоминаниях и С. Л. Чудновский, перечисляя некоторых из них: Дементьеву (впоследствии жена П. Н. Ткачева), полковницу То-милову, привлекавшуюся по нечаевскому делу, сестру нечаевца Святскую, сестру Нечаева Анну Геннадиевну и др. (См. упомянутые выше воспоминания С. Л. Чудновского. «Былое», 1907, IX, стр. 285). Посещала эти сходки и сама В. И. Засулич.

⁵² Зачеркнуто: «Скоро всем сделалось известно одно имя, прогремевшее впоследствии на всю Европу».

⁵³ Зачеркнуто: «Тем не менее в организации входил и принимал деятельное участие»

⁵⁴ С. Г. Нечаев, бывший в то время учителем Сергиевского приходского училища, одновременно состоял вольнослушателем университета. С. Л. Чудновский (цитированные выше воспоминания, стр. 284) отмечает, что Нечаев лично появлялся лишь на менее многочисленных и более интимных собраниях, устраивавшихся «радикальной» частью студенчества.

⁵⁵ Зачеркнуто: «На сходке»

Никакой тайны из этих сходок не делали, наоборот, на них старались затащить всех и каждого. На рождество несколько усердных пареньков взяли даже на себя обязанность, переписавши в конторах заведений адреса студентов I и II курса (остальные считались безнадежными, так как из них посетителей сходок не насчитывалось и десятка), Обегать все квартиры и звать всех на сходки. Тем, кого не заставляли дома, оставляли записочки с адресом ближайшей сходки и с несколькими упреками, зачем, мол, не ходит.

Сведения о сходках начали появляться даже) в газетах, а в одном фельетоне им было; посвящено одно довольно безграмотное юмористическое – стихотворение, кончавшееся такою любезностью:

«Ах надо, как надо
Для этого стада,
Для стара и млада,
Лозы вертограда».

Полиции сходки тоже были не безызвестны, и на одной, например, многие из входивших слышали:, как два полицейских у ворот пересчитывали посетителей: 91-й, 92-й и т. д. Но пока никого не тревожили.

В начале, когда речь шла о необходимости касс и сходок, никаких возражений не являлось, но как только заговорили о средствах для приобретения этих благ, начались разногласия. Группа инициаторов и часть студентов, склонявшаяся к ее мнению⁵⁶, высказалась за подачу прошения за подписями возможно большего числа студентов министру народного просвещения (иные высказывались за наследника, некоторые предлагали удовольствоваться на первый раз университетским начальством); если же прошение не будет принято или ответ на него последует неудовлетворительный, необходимо будет устроить демонстрацию, для которой тоже предлагались различные проекты – (от сходок и криков в аудиториях) до шествия толпой ко дворцу.

Противники этих проектов, главным оратором которых явился студент университета Езерский, возражали, что; коллективного прошения, конечно, не примут, за демонстрации же исключат и вышлют, что к тому же, если бы даже подписались под прошением все бывающие на сходках, все же их было, бы крошечное меньшинство, так как⁵⁷ студентов в Петербурге несколько тысяч, а на сходки ходят лишь сотни; рассчитывать же на подписи таких студентов, которые боятся прийти, было бы глупо; словом, что таким путем касс и сходок не добьешься.

Сторонники демонстраций, – нечаевцы или «радикалы», как их начали называть в то время не совсем удачное название, только что введенное, приобретшее впоследствии право гражданства для обозначения членов революционных кружков), – возражали не столько опровержениями, сколько упреками в трусости, в неискренности, спрашивали: какой же путь могут они предложить с своей стороны для приобретения касс и сходок? Противники отвечали, уклончиво. На общих сходках и те, и другие, видимо, не договаривали до конца. На частных же собраниях, в кругу единомышленников, езеровцы говорили, что кассу можно устроить и без дозволения начальства; если не поднимать о ней большого шума, то на нее, наверное, посмотрят сквозь пальцы; сходки же можно заменить литературными, музыкальными и т. п. собраниями. И большинство, видимо, склонялось на сторону Егерского.

⁵⁶ Зачеркнуто: «Находившаяся более или менее под ее влиянием»

⁵⁷ Зачеркнуто: «В трех высших учебных заведениях».

Нечаевцы же в своих интимных собраниях говорили, что, конечно, демонстрациями касс и сходок не добьешься, да их и не нужно, они только⁵⁸ развратили бы молодежь, облегчив, ее положение, но что демонстрации нужны для возбуждения духа протеста среди молодежи.

С самым близкими, доверенными людьми Нечаев шел еще дальше и рисовал приблизительно такой план: за демонстрациями, конечно, последуют высылки на родину. Они отзовутся в других университетах, и оттуда тоже по высылают лучших студентов. Таким образом, к весне по провинциям рассыплется целая масса людей недовольных, возбужденных и, следовательно, настроенных очень революционно. Их настроение, конечно, сообщится местной молодежи и главным образом семинаристам, а эти последние по своему положению почти не разнятся от крестьян, и, разъехавшись на вакации по своим родным селам, сольются, сблизятся с протестующими элементами крестьянства и создадут революционную силу, которая объединит народное восстание, момент которого приближается. (Это приближение момента и говорившими и слушавшими принималось за аксиому, не требующую доказательств. Сомнение было бы принято за неуважение к народу: «Ведь он недоволен, обманут, так неужели вы думаете, что так вот он и станет сидеть, сложа руки?»).

⁵⁸ Зачеркнуто: «Удовлетворили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.